

Станюкович Константин Михайлович

Омут. Из-за пустяков

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
К65

К65 **Константин Михайлович С.**
Омут. Из-за пустяков / Станюкович Константин Михайлович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 236 с.

ISBN 978-5-519-75278-7

Рассказ из петербургской жизни

ISBN 978-5-519-75278-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ной красной розой въ петлицѣ фрака, — всѣ относятся здѣсь къ иностранцамъ — и русскимъ въ особенности — съ такимъ ласковымъ вниманіемъ, съ такой подкупающей любезностью, стараясь предупредить малѣйшее ваше желаніе, что можно было-бы счесть всѣхъ этихъ маріенбадцевъ самыми милыми, добродушными и безкорыстными людьми на свѣтѣ, если-бъ севозъ ласковости улыбокъ и напускное добродушіе не просвѣчивало всесвѣтнаго рабодѣнія передъ Золотымъ Тельцомъ.

ГЛАВА II.

Изъ курзала уже доносились торжественные звуки хора, которыми ровно въ шесть часовъ утра, съ послѣднимъ ударомъ колокола, неизмѣнно начинается утренняя музыка и питье водъ у Крейцбруннена, — когда по широкой, роскошной лѣстницѣ Клингерзотеля — лучшаго отеля въ Маріенбадѣ, если вѣрить Бедкеру — изъ второго этажа спускался не спѣшной, легкой походкой высокій, плотный, красивый блондинъ, свѣжій и румяный, съ едва замѣтнымъ брюшкомъ, безукоризненно одѣтый въ синюю лѣтнюю пару, съ синимъ же легкимъ фетромъ на головѣ, въ шведскихъ перчаткахъ, съ палкой въ рукѣ и большимъ стаканомъ, перекинутымъ черезъ плечо, на черномъ лакированномъ ремешкѣ.

Внизу, въ большой швейцарской, пестрѣвшей объявленіями въ красивыхъ рамкахъ, онъ былъ встрѣченъ низкимъ поклономъ и обычнымъ почтительнымъ привѣтствіемъ швейцара, поспѣшившаго распахнуть двери. — „Guten Tag, gnädiger Herr!“ — „Guten Tag!“ отвѣчалъ господинъ тѣмъ-же тономъ съ замѣтнымъ иностраннымъ акцентомъ, снялъ шляпу и изысканно любезнымъ поклономъ отвѣчалъ на привѣтствіе, обнаруживая на темени маленькую плѣшину, бѣлѣвшую среди свѣтло-русыхъ волосъ.

Господинъ этотъ былъ нашъ соотечественникъ — Владиміръ Николаевичъ Олюнинъ, извѣстный не только въ Петербургѣ, гдѣ онъ

постоянно живетъ, но и во всей Россіи просвѣщенный и гуманный общественный дѣятель, знаменитый учредитель „Общества Русскаго Угля“, которому предстоитъ великая будущность отапливать всю Россію, директоръ многихъ солидныхъ предпріятій, секретарь и душа благотворительнаго общества „Доброхотная копѣйка“, владѣлецъ извѣстной московской хлопчато-бумажной фабрики, гдѣ впервые учреждена ссудо-сберегательная касса, заведена школа и для рабочихъ устроены приличные помѣщенія, видный гласный в—аго земства, бывшій городской голова въ одномъ изъ бойкихъ торговыхъ городовъ, извѣстный ораторъ въ Обществѣ содѣйствія промышленности и торговли, авторъ изслѣдованія „Причинъ упадка русской промышленности“, однимъ словомъ—тотъ самый Олюнинъ, репутація котораго, какъ энергичнаго, предпріимчиваго, умнаго и образованнаго практическаго дѣятеля, какъ гуманнаго и прекраснѣйшей души человѣка, готоваго всегда оказать помощь ближнему и отозваться на всякое доброе дѣло,—прочно установилась въ обществѣ и почти никогда и нигдѣ не оспаривалась...

Въ то время, какъ дѣятельность разныхъ желѣзнодорожныхъ тузовъ и другихъ видныхъ дѣльцевъ нерѣдко подвергалась критикѣ и нареканіямъ, имя Владимира Николаевича Олюнина являлось на страницахъ газетъ не иначе, какъ окруженное ореоломъ уваженія, предшествоваемое эпитетомъ „нашъ просвѣщенный дѣятель“—для того, чтобы сообщить о новомъ добромъ дѣлѣ, устроенномъ по инициативѣ Олюнина: о выдачѣ пенсіона семьѣ погибшаго въ шахтахъ рабочаго, объ устройствѣ пенсіонной кассы для служащихъ или чего-нибудь подобнаго. И когда, однажды, послѣ печальнаго случая на шахтахъ „Общества русскаго угля“, стоившаго жизни нѣсколькимъ десяткамъ людей, въ одной изъ газетъ появилась статейка, легкомысленно обвинявшая въ этой катастрофѣ директора распорядителя, самого Олюнина, причемъ положеніе рабочихъ на шахтахъ было представлено въ мрачномъ свѣтѣ, то большинство прессы съ негодованіемъ отнеслось къ этому обличенію, возмущаясь „нашей привычкой ругать все безъ разбора“ и смѣшивать такого человѣка, какъ Владимиръ Николаевичъ Олюнинъ съ разными эксплуататорами и безсердечными кулаками. Въ доказательство приводились неопро-

вержные факты: ссудо-сберегательная касса, больница, читальня для рабочих и т. п., а вслѣдъ затѣмъ въ газетахъ появилось и болѣе подробное опроверженіе, подписанное двумя свѣтилами науки, профессорами химіи и физики, въ которомъ, на основаніи самыхъ точныхъ научныхъ данныхъ было вычислено количество кислорода, нагнетаемаго въ шахты, и досконально доказано, что несчастный случай произошелъ по винѣ самихъ пострадавшихъ.

Это авторитетное свидѣтельство вмѣстѣ съ официальнымъ слѣдствіемъ, котораго требовалъ, какъ было извѣстно, самъ Владиміръ Николаевичъ, торжественно возстановили имя Олюнина въ глазахъ скептиковъ, а трогательное, безхитростное письмо нѣсколькихъ рабочихъ, напечатанное вскорѣ въ газетахъ, подлинникъ котораго всякій могъ увидать въ редакціи „Русскаго Органа“, письмо, въ которомъ исчислялись благодѣянія Владиміра Николаевича, — окончательно убѣдило публику, что весь этотъ шумъ, поднятый изъ-за несчастнаго случая, не бросаетъ никакой тѣни на честную и плодотворную дѣятельность Олюнина. Семьямъ всѣхъ погибшихъ, какъ сообщалось въ газетахъ, было выдано, по инициативѣ того-же Владиміра Николаевича, помощь „широкой рукой“ и въ ближайшемъ-же засѣданіи Общества торговли и промышленности Олюнинъ читалъ свой горячій докладъ о крайней необходимости закона, гарантирующаго на фабрикахъ и заводахъ нашего „обездоленнаго, несчастнаго, въ потѣ лица работающаго простолюдина“ отъ злоупотребленій и притѣсненій хозяевъ.

Кто былъ на этомъ засѣданіи и видѣлъ это взволнованное, негодующее лицо, этотъ взглядъ, блестявшій подъ вліяніемъ охватившаго чувства, кто слышалъ этотъ искренній, возмущенный голосъ, исходившій, казалось, изъ самой глубины потрясенной души, тотъ ни на минуту не могъ усомниться, что передъ нимъ дѣйствительно превосходнѣйшій человѣкъ, любящій и сердечный, стоящій на высотѣ своей заслуженной репутаціи.

Кто не видалъ въ Петербургѣ этой представительной, плотной, высокой фигуры Олюнина, съ умной, сдержанной и выразительной фizioноміей, окаймленной русой, густой, пушистой бородой, съ сѣрыми глазами, глядѣвшими такъ ровно, съ ласковой серьезностью, изъ

подъ длинныхъ рѣсницъ, съ мягкими манерами, полными скромнаго достоинства человѣка, знающаго себѣ цѣну и привыкшаго къ власти, съ привѣтливой улыбкой, сіяющей на этомъ румянѣ, здоровѣ, славянскомъ лицѣ?

Вы могли его видѣть часто въ русской оперѣ, наслаждающагося музыкой Глинки и Даргомыжскаго и въ антрактахъ пріятельски бесѣдующаго съ какимъ-нибудь извѣстнымъ литераторомъ, профессоромъ или музыкантомъ,—на литературномъ чтеніи, когда онъ весь въ черномъ скромно пробирается въ первые ряды подъ руку съ изящной, тонкой блондинкой, его женой, нѣсколько блѣдной и смущенной въ толпѣ, и заботливо усаживаетъ молодую женщину въ кресло,—на одномъ изъ засѣданій дѣловыхъ обществъ и тамъ слышать его ровный, звучный, пріятный баритонъ, когда онъ, окруженный вниманіемъ слушателей, дѣлаетъ какое-нибудь сообщеніе, наконецъ, въ приемной у министра финансовъ—во фракѣ, съ гордо приподнятой головой и толстымъ портфелемъ подъ мышкой.

Но если вы никогда не видали Владиміра Николаевича, то, разумѣется, знаете его по имени, по его горячей рѣчи, недавно произнесенной въ земскомъ собраніи и возбудившей толки въ печати, по сообщеніямъ, часто появляющимся въ газетахъ, объ его общественной дѣятельности: о томъ, какъ онъ, въ качествѣ депутата отъ одного изъ обществъ, являлся къ министру путей сообщенія съ ходатайствомъ объ улучшеніи судоходства по Выпи, къ министру финансовъ объ устройствѣ банка, къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбой о шеолѣ. Имя его часто появлялось и въ корреспонденціяхъ изъ провинціи: тамъ, на подмосковной фабрикѣ открыта, по инициативѣ Владиміра Николаевича, дешевая столовая, отличающаяся доброкачественностью продуктовъ; въ другой корреспонденціи, изъ Выпскаго края, извѣщали, что, благодаря заботамъ В. Н. Олюнина, при шахтахъ устроена больница,—наконецъ, изъ Казани писали, что Владиміръ Николаевичъ внесъ въ тамошній университетъ капиталъ въ 1,000 руб. для выдачи преміи за лучшее сочиненіе о пчеловодствѣ. Такимъ образомъ, имя его очень часто мелькало, окруженное ореоломъ добраго генія, скромно трудящагося на общественную пользу.

Наконецъ, если въ текстѣ газетъ долго не встрѣчалось популярнаго имени Владиміра Николаевича, то оно неизмѣнно появлялось на страницахъ объявленій жирнымъ шрифтомъ: „В. Н. Олюнинъ и К^о. Высочайше утвержденное Общество Русскаго Угля. Агентства въ такихъ-то городахъ“. Однимъ словомъ, имя Олюнина, волей-не-волей, врѣзывалось въ вашу память съ такою - же назойливостью, съ какою — извѣстный адресъ г. Веретенникова: „Rue Cadet, № 4“, и я вполне убѣжденъ, что нѣтъ въ Россіи ни одного человѣка, читающаго газеты, который - бы не зналъ Владиміра Николаевича Олюнина, если не въ качествѣ просвѣщеннаго общественнаго дѣятеля, то во всякомъ случаѣ, какъ „В. Н. Олюнина и К^о“, учредителя „Общества Русскаго Угля“, или просто „В. Олюнина“, какъ предсѣдателя желѣзнодорожнаго правленія, отчеты котораго, за подписью Владиміра Николаевича, ежемѣсячно печатались въ газетахъ.

ГЛАВА III.

Вдыхая полной грудью раздражающій ароматъ роскошнаго утра, бросая по временамъ взгляды на красивую панораму далекихъ горъ Дилленберга, покрытыхъ золотисто-голубой, прозрачной дымкой, и на черное пятно Подгорна, — Владиміръ Николаевичъ шелъ по парку, окружающему курзалъ, въ самомъ пріятномъ, счастливомъ настроеніи человѣка, который могъ на время забыть дѣла и заботы и пожить для себя, исключительно для себя, среди живописной природы, среди незнакомыхъ лицъ и того уютнаго комфорта заграничной жизни, благодаря которому жизнь тамъ кажется такою пріятной и такъ нравится соотечественникамъ своей розовой стороной. Мысли его были теперь далеки и отъ „Русскаго угля“, и отъ Выпской желѣзной дороги — тѣмъ болѣе, что все тамъ шло хорошо — и отъ семьи.

Добродушная улыбка скользила по его полнымъ, сочнымъ губамъ, глаза какъ-то весело щурились на солнцѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, отлично онъ сдѣлалъ, что вздумалъ уѣхать изъ Россіи, отдохнуть и освѣжиться послѣ своихъ трудовъ и встати попить крейцбруннена. Признаться, онъ и не рассчитывалъ ѣхать въ этомъ году за-границу, предполагая провести лѣто съ семьей въ своемъ превосходномъ владимірскомъ имѣніи, на берегу Ови, и оттуда проѣхать по Россіи, заглянуть въ свои многочисленные агентства, посмотреть на мѣстѣ главные шахты „Русскаго угля“; но, однажды, проснувшись утромъ, онъ почувствовалъ тяжесть въ желудкѣ и нащупалъ на животѣ какую-то опухоль. Онъ испугался и въ тотъ-же день поѣхалъ къ одному изъ извѣстныхъ докторовъ, большому своему пріятелю, и сталъ жаловаться на здоровье. Но докторъ перебилъ его веселымъ смѣхомъ.

— Вы-то больны? Полноте морочить людей, дорогой Владимиръ Николаевичъ!

— Я, въ самомъ дѣлѣ, боленъ!

— А, ну-ка, посмотримъ!

И съ этими словами докторъ попросилъ Олжюнина раздѣться.

— Экое могучее тѣло-то какое! воскликнулъ онъ, любуясь его широкой грудью. Онъ внимательно его выслушалъ, ощупалъ и проговорилъ:—Ну, конечно, все благополучно, мой дорогой... Только брюшко себѣ нагуляли, маленькое ожиреніе, вотъ и все. Надо спустить жирокъ. Чувствуете тяжесть?

— Да, докторъ.

— Особенно послѣ обѣда?

— Да, послѣ обѣда.

— И отрыжки бываютъ?

— Бываютъ.

— Такъ, такъ... Попейте-ка лѣтомъ минеральной водицы, да не балуйте своего желудка, вотъ и ваше леченіе... А если располагаете временемъ, прокатитесь, пожалуй, за-границу. На мѣстѣ, тамъ у нѣмцевъ, лучше пить воды... Обстановка дѣйствуетъ... Кстати, вамъ и отдохнуть не мѣшаетъ, а то работаете-то вы, Владимиръ Николаевичъ, безъ усталости...

— Куда-же мнѣ ѣхать?

— Да въ Маріенбадъ...

— И брюшко спадетъ? смѣясь спросилъ успокоенный Олюнинъ.

— Спадетъ, спадетъ, не безпокойтесь! Только потомъ снова его не нагуливайте! весело говорилъ докторъ, самъ нагулявшій себѣ значительное брюшко;—мы съ вами, Владиміръ Николаевичъ, расположены къ этому и вдобавокъ любимъ грѣшнымъ дѣломъ побаловать свою утробу, а? Такъ, значитъ, въ Маріенбадъ?

— Въ Маріенбадъ!

— Тамъ обратитесь къ доктору Фишу — я вамъ дамъ карточку. Кажется, этотъ вертлявый, услужливый жидокъ изъ лучшихъ мѣстныхъ водяныхъ врачей, онъ вамъ и подробный режимъ назначить. Мѣсяцъ этакъ или недѣль шесть поѣдете крейцбрунненна, посидите на пищѣ святого Антонія, запивая ее водичей—вина, батюшка, ни-ни!—а потомъ можно покупаться, въ Трувиллѣ, что-ли, и разрѣшить себѣ вино и елей, только не очень навидывайтесь, не очень, а понемногу... Въ Трувиллѣ будетъ повеселѣй, чѣмъ въ Маріенбадѣ — французы!.. Засимъ, конечно, остановка въ Парижѣ и къ осени домой, обновленный, съ запасомъ свѣжихъ силъ и хорошаго расположенія духа. Нравится вамъ мой планъ леченія?

Еще-бы не нравился. Очень нравился. Перспектива ѣхать въ деревню не особенно была заманчива, а тутъ превосходный предлогъ — прокатиться.

— Эти поѣздки за-границу —преполезная вещь со всѣхъ точекъ зрѣнія, продолжалъ докторъ;—главное —освѣжается человѣкъ: и хандра спадетъ, и всякія непріятности забудешь, какъ перевалишь за-границу, и воздухъ другой, и люди... Я вотъ каждый годъ удираю изъ Петербурга. Иначе —не выдержалъ-бы этой каторги, хоть, слава Богу, не смѣю пожаловаться на здоровье... Наступаетъ весна —ужь меня и тянетъ. Черезъ недѣлку и я въ путь...

— Вы куда, докторъ... Тоже на воды?..

— Нѣтъ, нѣтъ! торопливо возразилъ онъ.—Я ѣзжу за-границу не лечиться, а только освѣжаться! смѣялся докторъ. —

Сперва въ Вѣну проѣду, а оттуда, куда Богъ на душу положить. Ну, разумѣется, Парижа не миновать...

— А спускать жирокъ?

— Пусть себѣ нагуливается... Я вѣдь, батюшка, человѣкъ одинокій... о потомствѣ не забочусь... Ну, годомъ, двумя раньше умру, что ли... Эка важность! Пусть себѣ животикъ растетъ на здоровье... Ха-ха-ха!—Ну, а ваши куда? Въ Павловскъ?

— Нѣтъ, Вѣра хочетъ въ деревню.

— Вотъ это прекрасно! Вѣрѣ Александровнѣ съ мальчишками самое любезное дѣло въ деревню. Что какъ ея здоровье? Не жалуется теперь на головныя боли?

— Не жалуется.

— Я заѣду къ ней передъ отъѣздомъ, посмотрю. Ей тоже надо полечиться.

— Развѣ у Вѣры что-нибудь серьезное?

— Ничего серьезнаго нѣтъ, а не слѣдуетъ запускать никакой болѣзни. Мы, батюшка, врачи, за другими смотримъ не такъ, какъ за собой!

— Что-жъ у нея?

— Первое разстройство, малокровіе... Эту зиму Вѣра Александровна особенно похудѣла... Организмъ у вашей жены деликатный, не то что нашъ съ вами! Крови у нея мало, а нервы, нервы!.. Оттого, видите-ли, Вѣра Александровна черезчуръ впечатлительна и малѣйшая бездѣлица ее можетъ тревожить. Натура у нея слишкомъ нѣжная и ей надо беречься! говорилъ докторъ теперь уже совсѣмъ другимъ тономъ, чѣмъ раньше—серьезнымъ и даже строгимъ—бросая, по временамъ, на Олюнина, изъ-подъ очковъ, быстрые взгляды своихъ маленькихъ, острыхъ, залпывшихъ жиромъ, глазокъ.—Это она отлично придумала ѣхать въ деревню, въ Павловска, гдѣ у васъ бываетъ всегда такъ много народу. Отлично! Вѣра Александровна, кажется, не очень-то любитъ шумную жизнь?..

— Да, она домосѣдка...

— Ну слѣдовательно подальше отъ Петербурга—лучшее для нея лекарство. Спокойствіе духа, тишина, зеленая травка, немного

мышьяку внутрь и, Богъ дастъ, она вернется молодцомъ;— вотъ развѣ безъ васъ немного поскучаетъ? прибавилъ докторъ, переходя снова въ шуточный тонъ.

— Что дѣлать! проговорилъ Олюнинъ, пожимая плечами;— впрочемъ, она останется не одна; у насъ въ деревнѣ будетъ гостить ея мать...

— Такъ, такъ... Мы еще серьезно поговоримъ съ вашей женой. Надняхъ, я буду у васъ, дорогой Владиміръ Николаевичъ...

Возвратившись домой, Олюнинъ разсказалъ женѣ, что докторъ посылаетъ его непременно на воды; въ своемъ разсказѣ онъ нѣсколько преувеличилъ значеніе своей болѣзни; такъ, какъ-то, нечаянно это вышло. Ему очень жаль, что онъ не поѣдетъ съ ними въ деревню, но дѣлать нечего— надо подумать о здоровьѣ.

Въ большихъ, синихъ, робеихъ глазахъ молодой женщины пробѣжала тревога, которую она видимо старалась скрыть. Она выслушала со вниманіемъ мужа и, когда онъ кончилъ, робко замѣтила:

— Ты ничего раньше не говорилъ. Давно ты боленъ?

— Недавно. Впрочемъ серьезнаго ничего нѣтъ...

— Докторъ сказалъ?

— Да... Но лучше вначалѣ остановить болѣзнь, не запуская ее... Маріенбадъ и купанье, по словамъ доктора, совсѣмъ меня поправятъ!

Она ничего не отвѣтила и видимо робѣла въ присутствіи мужа.

Помолчавъ, онъ прибавилъ:

— И тебѣ, Вѣра, надо обратить вниманіе на свою болѣзнь...

По ея нѣжнымъ, блѣднымъ щекамъ, съ пробывавшимися голубыми жилками, внезапно разлился нѣжный румянецъ и она какъ-то испуганно сказала:

— Болѣзнь? Какая болѣзнь? Я, кажется, совсѣмъ здорова.

— Докторъ находитъ, что не совсѣмъ. Онъ на-дняхъ заѣдетъ къ тебѣ.

— Онъ, по обыкновенію, преувеличиваетъ, этотъ докторъ...

— Во всякомъ случаѣ, надо посоветоваться съ докторомъ и беречь себя, мой другъ! приложивъ Олюнинъ и нагнулся, чтобъ поцѣловать жену въ лобъ.

Онъ, очевидно, не замѣтилъ изумленія, промелькнувшаго въ ея глазахъ при этой неожиданной ласкѣ, и продолжалъ:

— Надо укрѣпить нервы, ты ихъ совсѣмъ распустила, Вѣра! Надо подтянуть себя. Въ послѣднее время ты нигуда не показываешься, точно боишься людей... Могутъ подумать, что я нарочно скрываю тебя или что я тиранъ-мужъ! замѣтилъ съ улыбкой Олюнинъ. Въ самомъ дѣлѣ, у тебя видъ жертвы... Согласись, мой другъ, что это, наконецъ, смѣшно... Вотъ и докторъ говорить...

Она слушала, опустивъ голову, этотъ тихій, мягкій, но внушительный голосъ; нервная дрожь пробѣгала по ея взволнованному лицу.

— Ужъ не жаловалась-ли ты на меня доктору? усмѣхнулся Олюнинъ.

Молодая женщина подняла на мужа изумленный, протестующій, полный упрека, взглядъ.

— Я—жаловаться? Я никогда никому не жалуюсь и... и не имѣю причины жаловаться! порывисто воскликнула она. На глазахъ у нея заблестѣли слезы.

— Ну, вотъ, опять... Я пошутилъ, а ты въ слезы, точно ребенокъ... Я знаю, ты жаловаться не станешь, да и не за что. Я, кажется, не даю повода... Нѣтъ, ты положительно больна, Вѣра! продолжалъ онъ, съ какимъ-то снисходительнымъ сожалѣніемъ оглядывая эту женщину, стройную, изящную, съ тонкими, красивыми чертами нервнаго, блѣднаго лица и этимъ недоумѣвающимъ, дѣтски-испуганнымъ взглядомъ, который, бывало, не разъ заставлялъ Владимира Николаевича смущаться.

— Да полно-же, полно, Вѣрочка. Что съ тобой?

Въ его голосѣ зазвучали нѣжныя ноты; онъ присѣлъ около жены и тихо гладилъ ея мягкіе, свѣтлые волосы своей рукой.

Но эта ласка, казалось, еще болѣе ее взволновала. Она вся вздрогнула; слезы хлынули изъ глазъ.

Олюнинъ нахмурился и плотнѣй заперъ двери въ сосѣдную комнату.

— Вѣра... Дѣти могутъ услышать. Что они подумаютъ?